

В ВОЗДУШНЫХ КАВЫЧКАХ

РАССКАЗ

 ЕЛЕНА САЗАНОВИЧ

Писатель, драматург, сценарист, член Союза писателей России. Родилась в Гродно, окончила журфан Белгос-университета и сценарный факультет ВГИКа. Первая публикация — повесть

«Пренрасная мельничиха» в «Юности» в 1990 году — стала лауреатом литературной премии имени Б. Полевого. Автор более тридцати романов, повестей и пьес, изданных в России и за рубежом, а также

публицистических проектов. В 2004–2005 годах по повести «Я слушаю, Лина...» сняты два игровых фильма: «Неуправляемый занос» (Москва) и «Пона я с тобой» (Одесса). Лауреат многих литературных и медийных премий.

«Бом-бом-бом...»

Твой голос растворялся, расплывался, рассыпался под строгий бой напольных часов. Диссонанс, дисгармония, диафония. С тобой так всегда. И за что только я тебя люблю? Вот уже столько лет...

– Бом-бом, бом...

Это уже не часы. Это уже мой голос. Четкий, низкий, организованный. Я невольно сравнил себя с напольными часами. Мне они напоминали меня. Интересно, а я им напоминал себя? И комплимент ли это для меня? Или для них?..

Ну и чушь же лезет мне в голову. И я, чтобы перебить эту чушь, прогудел в рифму:

– Бом, бом, бом... Белый-белый снег за окном, – и протянул тебе бокал шампанского.

– Дурацкий стих, – капризно сказала ты. – Снег и так белый без твоего вмешательства. – А вот бом-бом мне нравится. Есть в этом какая-то философия. – Бом-бом-бом...

Ты наморщила свой лобик, который давно уже покрывала сеточка морщинок. Моих любимых морщинок. Я не выдержал и поцеловал тебя в лоб.

– Продолжай, ты такая умная.

– Бом-бом, бом. – Твой лобик еще больше съезжился. – Я бы добавила просто: бом-бом-бом. Жизнь – сумасшедший дом.

– Оптимисточка ты моя!

Я еще раз поцеловал тебя в лоб. Лишний раз поцеловать свою любимую жену не помешает. Даже если мы с тобой прожили столько лет. Ну вот ты всегда так. Рушишь все мои наименее приятные почины. Чего больше за окном? Снега или сумасшедших домов?

Ты тотчас поняла, что я хотел спросить. Мы ведь столько лет прожили вместе. И нам не обязательно было озвучивать наши вопросы. Ты призадумалась. И не поморщила лобик. Он и так был в сети морщинок. Мне почему-то стало страшно. – А ты знаешь, все-таки больше сумасшедших домов, чем снега. Просто они еще не построены и поэтому за окном не видны. Но ты мне поверь на слово.

Я поверил. И мне почему-то стало еще страшнее. Наверное, потому, что я с тобой, как всегда, согласился. И, как всегда, не сказал об этом. Ты и так знала. Мы ведь столько лет прожили вместе.

– За тебя, – так пискляво и так тоненько дзинькнул мой бокал. Что мне за него стало даже неловко.

– За тебя, – приглушенно и достойно ответил твой бокал.

Наши бокалы поцеловались. Они же столько лет были вместе, как и мы. Им нечего было стыдиться. Как и нам. Долой ложный стыд! Эти мысли развесели-

лили меня. Кусочки вечности растворились в наших бокалах. И мы эту вечность выпили...

– За то, чтобы мы жили дружно и счастливо.

И умерли в один день, – дружно хором сказали мы и поцеловались.

Мы были очень дружны. И мы по-прежнему любили друг друга. Хотя, возможно, так и не бывает...

– Бывает, – сказали мои глаза.

– Наверное, бывает, – ответили твои глаза.

Ты всегда оставляла лазейку для сомнений. Я же не любил сомневаться.

Это был наш фирменный тост. Чтобы мы жили долго и счастливо. И чтобы умерли в один день. Конечно, не мы его придумали (как жаль). Скорее всего, Адам и Ева (хотя вряд ли бы это понравилось Еве). Возможно, просто народный фольклор (хотя народ не любил в конце про смерть, жили-были, это точнее). Возможно, Александр Грин, этот коварный сказочник, загубивший своими придумками жизнь не одной девчонки (вот на него это больше похоже, в его сказки верили, в отличие от народных). Мы ему поверили тоже. Это про фразу, где они умерли в один день...

Впрочем, не в этом дело и какое нам дело, кто придумал. Нам нравилась обыкновенность этой фразы, ее трафаретность, что ли. Кто-то более грубый фыркнул бы: пошлость, чего тут говорить. Про пошлость я бы поспорил. Еще чего! Этак и Пушкина можно обозвать пошляком. Пусть попробуют. А вот обыкновенность и трафаретность, как ни парадоксально, оборачиваются почти всегда глубиной и вечностью. День за днем... День за днем... Как необыкновенно обыкновенное... Умереть в один день...

День за днем мы произносили вслух эту фразу. Иногда торжественно. Как заклинание. Как молитву. Иногда играючи, просто как детский фольклор. Жить долго и счастливо и умереть в один день... Без этого тоста не обходился ни один наш праздник. А праздновали мы каждый день. Мы каждый день праздновали день уходящий. Мы могли чокаться чем попало. Бумажными уличными стаканчиками с кофе, гранеными поездными стаканами с чаем, вафельными стаканчиками с мороженым. Чокались ложками и вилками. Котлетами и бутербродами. Чокались даже тарелками с супом. Но для этого нужна была особая виртуозность. Чокались летними ракушками. И охалками листьев. Снежками и елочными игрушками. Ландышами. И поседевшими одуванчиками. Могли чокаться подушками. И проездными билетами. И книжками. И исписанными блокнотами. Даже очками. А один

раз мы даже чокнулись лбами в резко притормозившем троллейбусе. И спонтанно выкрикнули про «долго и счастливо». И рассмеялись так громко и так от души, что наш смех заразил всех пассажиров. И они рассмеялись от души вслед за нами. А возможно, просто мы выглядели смешно. Два очкарика с покрасневшими лбами. Так смешно, что ее смех закончился неизбежным рыданием. То ли от боли. То ли от счастья, что мы вдвоем. Всегда. Что впереди у нас вечность... Даже если она называется смертью. Даже если она вдрызг. В дымину. До чертиков. В близоруких глазах. С разбитыми лбами... Все равно вечность. Одна. На двоих. Каждый день становился для нас праздником. И мы чокались, празднуя его. Но сами мы чокнутыми не были. Честно-честно. Не были. Мы просто давно любили друг друга. И очень давно дружили. Хотя столько лет были вместе...

Столько лет. И вдруг раз, сразу, разом... Разорванные в клочья бумажные стаканчики, расколотые вдребезги стаканы, разбитые до крови лбы. Конечно, конечно, я преувеличил. Ничего такого. И не такого тоже. Все просто и обыкновенно. Как всегда. Просто и обыкновенно, с неделю назад. Ну, может, на день меньше недели. Или больше. Я любил припоминать числа и даты. Но это число решил безжалостно вычеркнуть из памяти (по-шекспировски, чтобы – «быть!»). И мысленно его вычеркнул. Мне этого показалось до обидного мало. И я схватил первый попавшийся под руку карандаш и стал им лихорадочно вычеркивать на календаре дату. Какой хороший карандаш оказался под рукой. Какой прекрасный карандаш! Какой качественный! Какой интенсивный черный цвет! Какой мягкий грифель! Он закрасил дату в совершенстве. Если бы существовали соревнования по зачеркиванию, я бы непременно победил в этом поединке. И мое зачеркивание непременно бы признали образцовым. И я от души поцеловал карандаш-чемпион. И только потом до меня дошло, что это твой личный карандаш. Для бровей. Которые ты так любила подчеркивать. И так любила хмурить. Я нахмурился. Все становилось бессмысленным. Дата была вычеркнута в совершенстве. А вокруг прыгали другие несовершеннолетние даты. Показывали язычки и дразнили меня. Я сам виноват, что именно эту дату я теперь запомню на всю жизнь. Как всегда – без тебя не обошлось. И я со злостью отшвырнул карандаш в сторону. Хотя он виноват не был.

Ты была виновата. Только ты. Ты. Когда? Когда я полюбил тебя? Тысячу лет назад? Или только

с неделю? Плюс-минус один день. Когда мы чокнулись чашками с какао на ночь. Чокнутые. Нет, определенно чокнутые. И нечего себя оправдывать. Ты, как всегда, сказала, ничего особенного: «Чтобы мы жили долго и счастливо». И замолчала. И последнее предложение повисло на нашей нелепой хрустальной люстре. И я набрал в легкие воздух. Побольше, побольше воздуха. У меня были вместительные легкие. Побольше, побольше воздуха. Чтобы его выпалить. Чтобы им выстрелить. Чтобы его взорвать словами. «И умерли в один день...» «И у...» Но ты успела мне прикрыть рот ладонью. Нежной, слегка шершавой ладонью. О, какой я щепетильный романтик. Ты просто мне заткнула рот. И громко, почти назидательно, как школьная учительница, повторила: «Чтобы мы жили долго и счастливо». И поставила точку в конце предложения. Не восклицательный знак и уж тем более не многоточие. А точку. Я не знаю, как можно голосом ставить точку. Но ты умудрилась. Беспощадно и категорически. Продолжения не последовало...

И как я раньше не замечал, что ты похожа на учительницу. В этом ничего не было плохого. Даже наоборот. Я даже был когда-то влюблен в свою учительницу. В первом классе, по-моему. Но почему-то именно сейчас это наблюдение меня обидело... Учительница. И мне так захотелось показать тебе язык. Хотя я давно не был первоклашкой. Это был мой первый рефлекс на незаконченность фразы.

Потом я гордо встряхнул головой и мысленно произнес, с достоинством: это предательство. Это был второй рефлекс. Потом достоинство поухло. И мои мысли уже кружились в истерике и вопили, как базарные теткли: это малодушие, трусость, бессовестность и эгоизм!!! Одна мысль даже отскочила и затрясла кулаками: это сволочизм!.. Третий рефлекс... И только потом я тяжело вздохнул. Вытер пот со лба. Обхватил голову руками и строго-настрого приказал мыслям привести себя в порядок. И мысленно обозвал себя малодушным трусом, бессовестным эгоистом. И просто-напросто сволочью. И все свои рефлекссы послал ко всем собакам Павлова.

– Это я, я, малодушный трус и эгоист! И сволочь! – на всякий случай повторил я вслух, громко. Театрально обхватив комнату руками. Призывая в свидетели замерзшие узоры на окне. Декабристов на подоконнике. Великих сочинителей от Карамзина до Шукшина на книжных полках. Мурзика, свернувшегося

в кресле-качалке клубком на клубке шерстяных ниток, из которых ты мне связала свитер с оленями. Стены, картины, письменный стол и трофейный стул. Я даже призвал в свидетели пробитого пулей Блока, который спас моего деда на фронте, прикрыв собой и остановив фашистскую пулю на сотой странице, прямо у «Двенадцати». И целинную лопату отца, которой он покорял непокорные земли (эти свидетели моего падения были особо почетные, и я им слегка поклонился). И конечно, конечно, две любимые чашечки в красный горошек, из которых мы в последний раз пили какао и которыми чокались. Они так и стояли немые. Старомодные. Безмолвные. Как немой укор нашей безмолвной ссоре. И какао застыло на дне и превратилось в кусочки треснутой пустыни. Две пустыни и два дна. Что-то не то. Пожалуй, две пустыни на дне. Так красивее, даже если не совсем точно. Они все молчали. Это были немые, в общем-то, бесполезные свидетели. Моей взбунтовавшейся совести. И все-таки они были...

Когда же я ей сказал это? Утром или днем? Какая разница. Главное, не вечером. Вечером уже было какао... Как я ей это сказал? Какая разница. Торжественно или буднично. От перемены мест счастья или горя – ни того ни другого не убавится... И все-таки я постарался выглядеть буднично. Даже нацепил твой свитер с оленями. Убрав пиджак и галстук с глаз долой. Мол, все по-домашнему. Мол, ничего такого не случилось. Мол, все ерунда, все как всегда. Тапочки, свитер, олени, елка и ты. Ну, и я еще, конечно... Ах да, забыл главное – еще снег за окном. Мокроватый, но снег. Падает, падает. И не тает. Хотя на улице не холодно. И по логике он должен таять. Но он не таял. Логике он не воспринимал. Стихийность.

А мне нужна была логика. Чтобы тебе объяснить. И я ее не находил. А вот небо почему-то холодное. Почему-то равнодушное. И не праздничное. Хотя скоро, так скоро праздник. И дома тепло и празднично. И красная звезда горит на верхушке елки. Я снял с еловой лапки самую яркую гирлянду и укутал тебя ею, как шарфом.

– Мне не холодно. – Ты поехала.

И в комнате запахло замерзшей елью.

– Я знаю... Да, так получилось. Так часто получается. С теми, кто хочет, чтобы непременно что-то получилось.

Я начал свою речь буднично, монотонно. Но довольно авангардно. Хотя к авангарду был холоден.

Ты наморщила свои брови, подчеркнутые тем самым злополучным карандашом.

– А теперь побольше реализма, пожалуйста, – ответила ты, хотя ты к авангарду относилась тепло.

– Пожалуйста. – Я пожал плечами. И олени на моих плечах подпрыгнули. – В общем-то, тебе не нужно вдаваться в подробности. Да и мне не нужно. Да и какие подробности. В общем-то. Если все чепуха. Чепухень. В общем-то, просто, если так, на всякий случай. Как говорится, на всякий пожарный. В общем-то, глупо говорится. Пожарный случай. При чем тут пожарный. Лучше уж придумали на всякий криминальный случай. Или медицинский. Или... В общем-то, не важно, как говорится. На всякий пожарный так пожарный...

– А теперь по-русски, пожалуйста. – Ты запаслась терпением. Но терпение твое напоминало воздушный шарик. Он надувался по мере усиления моего словопотока. И вот-вот твое терпение могло лопнуть. – По-русски, пожалуйста.

– Да я ничего, кроме русского, в общем-то, и не знаю. – Мои олени снова подпрыгнули на плечах.

– Тогда на хорошем русском. И убери это дурацкое слово-паразит – «в общем-то». Откуда оно у тебя?

– Да так, прицепилось почему-то.

И как я уже тогда не подумал, что ты напоминаешь школьную учительку. Ну просто вылитая! Учтывая, что ты всю жизнь была очкариком. Как и я. Тоже мне – слово-паразит. И придумать же такое.

– Что-то я раньше не замечала, чтобы к тебе цеплялись слова. Ну да, нитки к брюкам цеплялись. Шерсть от нашего Мурзика цеплялась. Колочку от репейника на рукаве, да, помню, на даче. Ангина в прошлом году так прицепилась, еле избавились. Дружок твой, Витек, как прицепился на первом курсе с курсовой, до сих пор не отцепится с докторской. Ну и... Ну и я, конечно... Но при чем тут слова. Хотя, в общем-то...

Я посмотрел тебе прямо в глаза. И увидел не глаза, а запотевшие линзы от очков. И вдруг до меня дошло! И я даже стукнул себя по лбу. Ну конечно! Ты боялась! Ты испугалась! Ты оттягивала наш разговор! Ты ничего не хотела слушать! Потому что уже знала все, что услышишь! Ты защищалась! Ты тянула время. Ты уводила время в сторону. Хотела, чтобы оно заблудилось! Ты об-

манывала время. А время пряталось по нашим углам, забиралось в комод, перепрыгивало от полки к полке, повисало на люстре. И обманывалось легко. Металось в потоке наших бессмысленных слов. Время, остановись! Хватит! На место! Время жалело тебя. И жалело меня. Но я не никого из нас не пожалел.

– В общем-то. – Я споткнулся о словесного паразита. Как ученый я знал, что такое споткнуться о паразитов. – Извини. Эксперимент я все же провел (непонятно, за что я извинялся – за слово-паразит или за эксперимент...). Вполне возможно, что все обойдется. Ну, что я говорю, конечно, все обойдется! Тут даже нет сомнений. Иначе и быть не может. Мы победим обязательно. Слишком долго мы проигрывали. И слишком давно. Так не бывает.

– Бывает.

Ну вот, опять твой пессимизм.

Ты присела на краешек нашего трофейного стула, словно приготовилась к экзамену. И сняла очки. Твои близорукие глаза без очков так беспомощно и беспорядочно мигали, что мое сердце беспорядочно замигало в такт им. И мне захотелось их поцеловать. И привести ритм в порядок.

– Не бывает, – упрямо повторил я. Хотя думал совсем о другом. Я был с тобой согласен. Редкий случай. – Мы обязательно победим. Подумаешь, вакцина. Если хочешь знать, на протяжении почти двух веков считалось для врача делом профессиональной чести провести опыт на себе. А уж если он придумал вакцину – сам Бог велел.

– Сам Бог велел умереть? – так спокойно спросила ты, что я испугался.

– Ну, вот еще! Почему обязательно умереть! Спасти человечество!

Ты сползла на самый краешек стула.

– Так это же когда было! Когда все было по-настоящему. Когда было человечество! И когда по-настоящему спасали его. Даже собаки Павлова!

– А теперь что?

– А теперь все понарошку. Весь мир понарошку. Трудно назвать это человечеством. Во всяком случае, ты спасешь не человечество. Его давно уже никто не спасает. Совсем даже наоборот. Ты спасешь тех, кто человечество ненавидит. И убивает. Ты останешься в дураках. И человечество тоже.

– А ты можешь представить, чтобы я поступил по-другому?

– Я хочу это представить. Мне ничего это не стоит.

– Так и будет. Мы будем жить долго и счастливо. Чем мы чокнемся?

Ты отрицательно покачала головой. Чашки с какао были потом, вечером. А тогда я увидел... Не почувствовал, а именно зрительно ощутил, насколько тебе больно. Мне показалось, еще миг – и ты упадешь с трофейного стула. Я увидел эту боль даже в твоих взметнувшихся накрашенных бровях. И предательская мысль мелькнула в моей голове – если я того... Они поседят еще больше, и тебе придется еще больше подкрашивать их. Твои брови застыли в удивлении. Твое лицо словно парализовало. Мне даже показалось, что ты хочешь мимики, выразительности, живости лица! Ну да, пусть, пусть наигранности и театральности! Только не застывшей формы. Но у тебя ничего не получается. Это было не лицо. Не то, родное, любимое лицо. Это была маска. Застывшая и удивленная. Я некстати стал мысленно рассуждать, зачем делают эти дурацкие посмертные маски. Ведь они – не правда. Не по-настоящему. Они понарошку. Копия человека. Но не человек. Как ты говоришь? Копия мира, но не мир. Копия жизни, но не жизнь. Все мы понарошку, и все у нас понарошку. Я не знал, как сорвать с тебя эту маску. Плеснуть водой прямо в лицо или в лицо закричать? Ни то ни другое я не делал ни разу. По отношению к тебе. Я тебя учился беречь, с каждым годом сильнее и сильнее. А ты вдруг сама наполнила водой из-под крана любимую чашку в старомодный горшок. Плеснула себе в лицо холодной водицы, а остатки выпила залпом. Я машинально последовал твоему примеру. Мы по-прежнему были вместе. Мы любили друг друга по-прежнему. Хотя прошло столько лет. След в след. Это ты придумала. Чтобы всегда – след в след. И очень гордилась этим. И я почему-то всегда этот след отчетливо представлял. След на снегу. Глубокий. Четкий. Один на двоих. Без вопросов... Мы тогда не чокнулись нашими чашками. Чашки с какао мы оставили на вечер. Точнее, на ночь... Чтобы отпраздновать этот день. Какой бы он трудный ни был. Он все-таки был. И мы были в нем. Еще были... Вместе...

А потом... После выпитых вечерних чашек с какао. После истерики и бунта моих мыслей. После рефлексов всех собак Павлова. После покаяния на коленях перед твоими коленями. После... После мы, не сговариваясь, решили стать счастливыми. И стали. Мы понимали друг друга. Мы столько лет

любили друг друга. И столько лет были дружны и нужны друг другу... Пожалуй, счастливее этой недели (плюс-минус один день, но это не важно) я не помню. Хотя наверняка вспомнил бы, если бы захотел. И посчастливее, и посолнечней, и по-праздничней. Но, наверное, последнее выглядит всегда самым лучшим. На посошок всегда – лучше не бывает. Потому что мы становимся зависимы от последнего. Если бы мы наверняка знали дату своего ухода, наверняка бы наши дни стали гораздо ярче, богаче и осмысленнее. Но мы были бы несвободны. Вот как теперь. В эту неделю. Когда мы остались вдвоем. В новогодние каникулы. День ото дня ты становилась веселее и разговорчивее. Почти болтушка. Каждый день ты выглядела счастливее. Почти глупышка. Я не успевал угнаться за тобой. Когда мы играли в снежки. Когда катались на лыжах. Когда соревновались в скороговорках. Когда вырезали снежинки. Ты побеждала во всем. Ты побеждала в счастье. Ты меня уже хоронила. Наши бокалы громко и звонко чокались и чокались или нежно целовались. И мы целовались тоже. С благодарностью провожая очередной счастливый день. Разве что наутро слегка подташнивало. Наверное, от шампанского. Или от чрезмерного счастья...

В эту счастливую неделю я мудро и вовремя прекратил эту игру слов. «И умереть в один день». Хотя мы оба знали, что первой это сделала ты. Прекратила игру в жизнь и игру в смерть. Мы оставили только игру в счастье. И в этом счастье были по разные стороны. Хотя все еще вместе. И с какой стати ты должна была быть на моей стороне. И с какой стати ты должна была идти за мной. След в след. В этот один день. Когда он неизбежно случится. И с какой стати я должен тянуть тебя за собой. В этот один неизбежный день. Это нечестно. Влюбленные в один день не умирают. Это пусть останется на совести Шекспира и его друзей. Должен кто-то из влюбленных остаться. Обязательно. Чтобы продолжать любить. Чтобы любовь сохранить. Если уходят двое, любви в этой стране БЕЗЛЮБВИ больше делать нечего. Как же это я не понял сразу. Сколько лет! Сколько лет я был эгоистом! Произнося целиком фразу. Не исключая последнюю ее часть. «Умереть в один день». Нет. Настало время и место только для одной части фразы. Первой. «Жить долго и счастливо». Хотя и эту фразу мы уже отработали. Но все равно дружно произносили. Почти кричали. Истошно. На последнем надрыве: жить долго и счастливо! И нисколько в это не верили.

И где-то в самой глубине души спала моя обида, свернувшись клубочком, как Мурзик. И я ее берег. Может быть, для тебя. Может быть, на тот черный день, который разведет нас по разные стороны. Уже навсегда...

Неделя счастья закончилась. И я, как положено, умер. Умер в своей больнице, которой прослужил всю свою не такую уж долгую жизнь. Бывают жизни и подольше. Нет, я никому не завидую. Просто бывают. Впрочем, бывает и совсем наоборот. Тогда можно позавидовать мне. Умница Эйнштейн. Как же все относительно... Умер я ближе к вечеру, в сумерки, которые мы с тобой так не любили. Я все сумел рассчитать. И эту неделю счастья. И само счастье. Не каждый так сумеет. Умереть на самой верхушке блаженства. Не хватит опыта и профессионализма. Не хватит медицинской практики. Это мое. Это оставьте мне. Ты меня не держала за руку. И не поправляла подушки у изголовья. Я этого не хотел. Я просто махнул тебе рукой на прощание и подмигнул. Я сделал все, чтобы ты подумала, что это плановое обследование. Чтобы ты подумала, что это ненадолго. Совсем на чуть-чуть. Анализы, кардиограмма, МРТ. И совсем скоро мы снова будем вместе... Ты так и подумала. Особенно тебя убедила МРТ. Кратко и непонятно. Ты в ответ мне махнула рукой. И весело подмигнула. Ну, какой же я шельмец! Мне удалось тебя обмануть. И я совсем не жалел об этом. Я видел, как ты уходила. Как же ты была хороша! Все так же хороша! Хотя прошло столько лет! А ты нисколько не изменилась! И твои ботинки так же утопали в белом снегу (хотя снег раньше был белее, это научно доказано). И полы твоего длинного черного пальто так же развевались на ветру (хотя это пальто было далеко не таким первоклассным, как раньше). Может, хоть ветер остался прежним? И мне захотелось добавить: и в твоих длинных волосах играл ветер. Но это было бы неправдой. Ты уже много лет стриглась, чтобы скрыть седину. И все же, как ты была хороша! Правда, я видел тебя издали, с высоты своего больничного окна. И со спины. Но я могу поклясться, что лучше этой женщины нет на свете. Лучше я никогда не встречал. И уже никогда не встречу. И слава Богу!

Я так и не узнал, что ты умерла в один день со мной. Но все-таки раньше. В конце концов, мы не чокались, чтобы умереть в один час. Так что все справедливо... Ты умерла утром. В самое любимое нами время суток. В это время ты обычно, сидя по-турецки на трофейном стуле, потягивала кофе из чашки в горошек и хрустела овсяным

печеньем... Ты погибла утром. Одна пуля. Прямо под левую лопатку. Я знаю, там еще была родинка, которую я так любил целовать. Я так и не узнал, попала ли пуля в родинку. Но в нашу Родину уже попала. Вот поэтому ты защищала ее. С микрофоном в руках. Как могла защищала. Но я об этом так и не узнал... Микрофон валялся на снегу. И к нему тонкой струйкой сочилась твоя кровь. Так и хочется добавить. Что твои длинные волосы расплзлись по красному снегу (снег бывает не только белым, ты ошибалась когда-то). И в твоих путаных волосах играл злой-злой ветер. Но это было бы неправда. Ты давно стриглась. Да и ветер в это утро молчал. Микрофон молчал. Снег молчал. Пушки молчали. И ты молчала. И молчала Родина. Потому что это была минута молчания... Но об этом я не узнал. Хотя умер позже тебя аж на несколько часов. Аж несколько часов я жил без тебя. И не знал об этом.

Мы умудрились, ухитрились, уловчились умереть в один день. Ловкачи...

Послесловие

И все-таки я не знаю, как по-настоящему закончить эту историю с нами. В чем-то уже я сомневаюсь. Конечно, это красиво – умереть в один день, так и не узнав об этом. Но это слишком печально. В нашей жизни столько печали. Порой совсем неоправданной. Порой совсем неправдоподобной. Я наморщил лоб и почесал затылок. И нервно стал грызть кончик карандаша. Только потом заметив, что он твой, для подводки бровей. Я с горечью выплюнул разжеванный черный грифель. Фу-ты, ну-ты! И вечно ты со своими разбро- санными вещами! Пожалуй, вот возьму и по-другому закончу эту историю!

Я, как настоящий герой, испытал на себе вакцину и победил! Возможно, даже получил за это Нобелевскую премию! И весь мир, мир, такой добрый, ласковый, праздничный, послушный! Обязательно справедливый и миролюбивый мир пал предо мной, великим ученым, на колени. Еще лучше: я – ученый муж, профессор, академик, кладезь мудрости и премудрости – спас погибающий мир. Все разом выздоровели, и все стали счастливы. Оставалось только водить хороводы у елки, украшенной леденцами в красно-белую полосу в форме трости... А ты... Ты... Ладно, так и быть. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Ты во время самого тяжелого танкового сражения сделала великолепный репортаж. После которого

